

Печатать дозволено. Вологда 1899 г.

Краткій историческій очеркъ шахматной игры отъ ея появленія на Востокѣ до нашего времени.

Если вполнѣ справедливо оспаривать страстно доводы тѣхъ увлекающихся поклонниковъ шахматной игры, которые готовы ставить ее на равнѣ съ искусствомъ, то уже нельзя сомнѣваться, что всякій помногу знакомый съ шахматами признаетъ ихъ самой интересной, трудной и поучительной игрой. Только этимъ можно объяснить громадное распространеніе, которое получила теперь шахматная игра, особенно въ западной Европѣ, гдѣ въ одной Англій насчитывается болѣе 700 специально шахматныхъ обществъ*). Въ Россіи шахматы начали прививаться не болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, но теперь въ каждомъ значительномъ городѣ, не говоря уже о столицахъ, есть клубы или частные кружки, объединяющіе лю-

*) Недавно въ „Шахматномъ Календарѣ“ Бергера появилась любопытная статистика, изъ которой видно, что въ настоящее время въ Англій издается 2 шахм. журнала, ведется въ газетахъ 130 отдѣловъ „шахматъ“ и существуетъ 41 шахм. союзъ и 735 шахм. клубовъ.

бителей благородной игры. Въ нихъ выписываются шахматные журналы и книги, устраиваются турниры и матчи между сильнѣйшими игроками или ведется игра по перепискѣ съ другими городами. Литература игры растетъ еще замѣтнѣе. Къ началу нынѣшняго столѣтія едва-ли удалось-бы насчитать болѣе двухъ десятковъ руководствъ и задачниковъ, недавно-же при осмотрѣ библіотеки покойнаго Гладстона найдено нѣсколько тысячъ номеровъ шахматныхъ изданій. Еще цѣниѣе собраніе ихъ въ королевской библіотекѣ столицы Нидерландовъ.

Между тѣмъ обширная литература по исторіи шахматъ остается совсѣмъ неизвѣстной огромному большинству любителей, и ихъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи столько же разнообразны, сколько и ошибочны. Дѣло въ томъ, что существуетъ лишь весьма ограниченное количество отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ происхожденію и развитію шахматъ. Весь остальной богатый матеріаль разбросанъ по многочисленнымъ спеціальнымъ шахматнымъ журналамъ, которыхъ насчитываютъ во всемъ свѣтѣ въ настоящее время болѣе 25, а съ 1836 года, времени основанія извѣстнымъ Делябурдонне перваго шахматнаго журнала „Le Palamé-

де,“ болѣ сотни. Всѣ эти изданія расходились въ небольшомъ числѣ и постепенно терялись; нѣсколько экземпляровъ погребено въ національныхъ книгохранилищахъ: пользованіе ими, очевидно, доступно немногимъ. Пять, шесть солидныхъ сочиненій, преимущественно нѣмецкихъ и англійскихъ, по исторіи шахматъ написано сухимъ и тяжелымъ ученымъ языкомъ; они вызываютъ у обыкновеннаго любителя много почтенія и мало желанія войти съ ними въ болѣе короткое знакомство. Для русскаго шахматиста дѣло затрудняется еще тѣмъ, что всѣ выдающіяся сочиненія шахматной литературы принадлежатъ иностраннымъ авторамъ и никогда у насъ не переводились.

I.

Когда въ среднюю вѣку шахматы вошли въ Европѣ во всеобщее употребленіе, естественно возникъ вопросъ: откуда они появились. Невѣжество, въ которомъ пребывало тогдашнее общество до эпохи Возрожденія искусствъ и наукъ, повело къ созданію целѣнныхъ легендъ, вскорѣ получившихъ самое широкое распространеніе. Всѣ признавали единогласно несомнѣнную древ-

ность шахматъ. Нѣкоторые писатели догадывались о восточномъ происхожденіи игры, но не могли представить никакихъ положительныхъ данныхъ, другіе менѣе проницательные и болѣе склонные къ носившимъ заключеніямъ принимали за шахматы вообще всѣ игры, указанія о которыхъ имъ приходилось встрѣчать въ письменныхъ памятникахъ разныхъ народовъ. Такимъ образомъ скоро произошло, что всѣ игры египтянъ, индусовъ, персовъ, арабовъ, грековъ, римлянъ и другихъ народовъ принимались за шахматы.

Бѣглый обзоръ имѣющихся у насъ данныхъ показываетъ намъ какъ много правъ имѣли онѣ на названіе „шахматъ.“ Египетскіе живописцы за 3000 лѣтъ до христіанской эры изображаютъ лицъ, играющихъ за доскою. Одинъ памятникъ XI в. до Р. Х. представляетъ царя Рамсенита и его дочь, сидящими за игральной доскою; видны 14 камней одинаковой формы. Слѣдовательно игра похожа скорѣе на шашки, чѣмъ на шахматы. Самыя доски на разныхъ изображеніяхъ имѣютъ различный видъ и неодинаковое число клѣтокъ.

Греческую игру „peteia,“ изобрѣтенную,

забавы скучавшихъ военачальниковъ во время осады Трои, также считали шахматами. Первый шахматный журналъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, былъ названъ „Le Palamède.“ Однако, риторъ Юлій Поллуксъ, жившій за два вѣка до Р. Х., говорить, что „peteia“ велась пятью камнями съ каждой стороны.

Римская игра „duodecim scripta“ велась на доскѣ съ 12 клѣтками. Любимая игра римлянъ „latrunculi aut ludus calculorum“ имѣла камни одной формы. Игра въ кости (alea) велась съ доской и безъ доски. Кроме того латинскій языкъ исчезъ изъ народнаго употребленія лишь въ X вѣкѣ и долго послѣ того былъ языкомъ ученыхъ, литераторовъ и дипломатовъ. Теперь, —если-бы шахматы явились въ XI вѣкѣ не какъ нѣчто новое и отличное отъ древняго, то употреблявшіяся прежде латинскія выраженія не замедлили-бы войти въ шахматную терминологию романскихъ народовъ. Но, этого не случилось.

Ирландская игра „fidcill“, которая по всей вѣроятности, велась даже безъ доски, съ одинаковой легкостью обратилась у кельтологовъ въ шахматы. Вообще, солидность

первыхъ излѣдованій о происхоженіи игры въ значительной мѣрѣ подрывалась тѣмъ, что писавшіе о нихъ не были учеными, а пастыряне ученые не имѣли яснаго понятія о шахматахъ.

Кромѣ отдѣльныхъ указаній у интерпретаторовъ и переводчиковъ древнихъ, основательность которыхъ мы только что видѣли, существуетъ масса легендъ о происхожденіи игры въ санскритской, персидской, арабской, еврейской и средневѣковой-европейской литературахъ.

Особеннымъ распространеніемъ пользуется слѣдующее остроумное сказаніе.

Въ началѣ V вѣка по Р. Х. въ Индіи царилъ король по имени Шахрамъ, по другому Балгибъ. Съ цѣлью укротить его жестокость и высокомеріе нѣкій браминъ Сисса изобрѣлъ такую игру, въ которой король, хотя и важнѣйшая фигура, не можетъ ни нападать ни защищаться безъ помощи своихъ подданныхъ. Урокъ подѣйствовалъ, король сразу преобразился и предложилъ мудрецу самому назначить себѣ награду. Тотъ сперва отказался, но послѣ настойчивыхъ просьбъ короля потребовалъ себѣ столько зеренъ мансу, сколько выйдетъ,

если на первое поле шахматной доски положить одно зерно, на второе—два, на третье—четыре, на четвертое—восемь и такъ далѣе въ геометрической прогрессіи до 64 поля. Король, улыбаясь, согласился на такую просьбу, показавшуюся ему крайне незначительной, но на повѣрку вышло, что богатствъ, не только Индіи, но и, всего міра не хватило бы на уплату выпрошенной награды. И, дѣйствительно, получается число въ $18^{''}446,744^{''}073,709^{'}551,615$ зеренъ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ этой громадной цифрѣ, достаточно сказать, что считая все населеніе земли въ миллиардъ людей и оцѣнивая гектолитръ манса въ 20 фр. (полагая въ гектолитрѣ 1.520.000 зеренъ) потребовалось-бы обложить каждаго человѣка налогомъ въ 240,000 фр. для уплаты долга брамину Сиссѣ. Преданіе передастъ, что король понялъ, однако, правоучительный смыслъ просьбы и до конца дней своихъ почиталъ Сиссу, какъ друга и совѣтника. Я, впрочемъ, думаю, что онъ велѣлъ отрубить ему голову.

Ни одна изъ подобныхъ легендъ, передающихъ съ мельчайшими подробностями событія, происходившія тысячу лѣтъ тому

назадъ, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Такимъ образомъ ни лингвистическія данныя, ни историческія указанія не давали сколько-нибудь вѣрныхъ слѣдовъ настоящей родины шахматъ. Восточныя названія фигуръ наводили на смутныя предположенія о происхожденіи игры въ Индіи или Персіи; о томъ-же говорилъ, невидимому и фактъ заимствованія шахматъ европейцами отъ арабовъ, сарицинь, завоевавшихъ Испанію, нѣсколько раньше утвердившихся въ Персіи, а именно въ VII в. по Р. Х. Никто, однако, не могъ сказать ничего опредѣленнаго.

Такъ обстояло дѣло до нынѣшняго столѣтія.

II.

Въ концѣ прошлаго вѣка былъ открытъ санскритъ, древній священный языкъ индійцевъ и богатѣйшая литература, обнимающая, какъ предположили первые изслѣдователи, огромные историческія періоды. Вильямъ Джонсъ, видный оріенталистъ, основавшій азіатское общество, писалъ въ 1790 году слѣдующее.

Шахматная игра, подь именемъ „чатуранга“ или четыре члена (рода фигурь): *hàsty*—слоны, *açua*—кони, *gathà*—колесницы и *radhàtam*—пѣхотинцы—съ незапамятныхъ временъ извѣстна въ Индiи. Древнiе персы измѣнили „чатуранга“ въ „чатрангъ“; арабы, завоеватели персовъ, не имѣли начальной и конечной буквъ этого слова и называли игру „шатренджемъ“. Подь этимъ названiемъ она перешла въ новоперсидскiй языкъ и обратно въ диалекты Индiи, гдѣ происхожденiе этого слова извѣстно только ученымъ.

Затѣмъ слѣдовало описанiе чатуранги, четверной игры (на доскѣ съ 64 клѣтками), порядокъ игры и ходъ фигуръ которой опредѣлялся кромѣ того костью.

Самъ Джонсъ не могъ найти указанiй на шахматную игру въ классической литературѣ браминновъ, но его увѣрили, что онѣ дѣйствительно существуютъ. Его описанiе чатуранги взято изъ т. п. *Bhawischya Purgana*, комментарiй къ священнымъ книгамъ Ведъ. Переводъ для Джонса сдѣланъ былъ ученымъ индусомъ Радакантою. Дѣло Джонса продолжали Кольбрукъ и Коксъ, раздѣлявшiе взгляды своего предшественника.

Въ 1860 году докторъ Джонъ Форбсъ издалъ въ Лондонѣ свое знаменитое сочиненіе *The History of Chess*, гдѣ подробно развилъ и обосновалъ матеріалы, добытые изслѣдователями Востока. Онъ выставилъ слѣдующія положенія, которыя и были приняты безъ возраженій.

Шахматная игра подъ именемъ чатуранги извѣстна въ Индіи не менѣе, какъ за 3.000 лѣтъ до Р. Х. Она прошла 3 періода: первый—періодъ четверной игры—отъ ея изобрѣтенія до XV вѣка по Р. Х.; второй—когда одновременно съ чатурангой началъ распространяться шатренджъ, представлявшій игру вдвоемъ,—періодъ этотъ длился съ VII по XVI в.; третій—отъ начала XVI в. до нашихъ дней. Каждый изъ этихъ періодъ характеризовался соотвѣтствующими стадіями въ развитіи игры, ея правилъ и ходовъ.

Относительно времени появленія шахматъ въ Европѣ Форбсъ справедливо опровергаетъ, какъ мы увидимъ, мнѣніе, что они были занесены сюда впервые крестоносцами. Книга Форбса имѣла большой успѣхъ. Критики за невозможностью повѣрки данныхъ, на которыя ссылался авторъ, не было.

Между тѣмъ какъ Форбсъ почивалъ на лаврахъ и установленныя имъ взгляды считались неизмѣнными, въ Германіи надъ разрѣшеніемъ того-же вопроса трудился другой ученый изслѣдователь. Въ 1874 году вышла въ свѣтъ: „*Geschichte und Litteratur des Schachspiels, von van der Linde*“, въ двухъ объемистыхъ томахъ.

Сочиненіе это, не смотря на огромныя достоинства, не было лишено нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести полемиическій и часто до непристойности бранливый тонъ писателя вездѣ, гдѣ ему приходится касаться своихъ предшественниковъ. Невыгодное впечатлѣніе производятъ также противорѣчія автора съ самимъ собою, происшедшія отъ того, что во время продолжительнаго печатанія книги въ области исторіи шахматъ были сдѣланы новыя открытія, заставлявшія Линде измѣнить неапечатанныя главы. Мыслия этого писателя діаметрально противоположны взглядамъ Кокса и Форбса. Онъ рѣшительно опровергаетъ несомиѣнность историческихъ датъ, заключающихся въ пуранахъ, ссылаясь на справедливое убѣжденіе оріенталистовъ, что древнія санскритскія книги по причинѣ разрушающаго вліянія климата на рукописи

дошли до насъ лишь въ позднѣйшихъ спискахъ и что поэтическія произведенія индусовъ ни въ какомъ случаѣ не древнѣе греческихъ. Линде совершенно отрицаетъ наравнѣ съ легендами и указанія средновековыхъ хроникъ, показывая иногда самымъ неожиданнымъ и остроумнымъ способомъ какъ создавались т. н. „шахматныя мѣста“. Вѣрный своему основному положенію, что, если мы встрѣчаемъ шахматное извѣстіе у какого-нибудь писателя, то вправѣ заключать лишь, что въ его (писателя) время шахматы были извѣстны, никакъ не болѣе, Линде признаетъ тысячелѣтнюю давность шахматъ. Дѣйствительно, самое раннее указаніе о шахматной игрѣ, не подлежащее никакимъ сомнѣніямъ, находится у араба Максуди, конца IX вѣка по Р. X Линде называетъ вздорными взгляды Джонса и Форбса на четверную игру, какъ первоначальный видъ шахматъ. Относимый къ древнѣйшему періоду отрывокъ будто бы изъ *Bhāwishya Purgana*, который нашелъ Джонсъ, оказался совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а именно въ сочиненіи индуса Рагунаданы, жившаго въ XVI столѣтіи нашей эры. Объясненіе постепеннаго развитія шахматъ изъ неповоротливаго шатренджа, какимъ онъ явля-

ется въ шахматныхъ сочиненіяхъ арабовъ и средневѣковыхъ авторовъ, въ современную сложную, гармоничную и подвижную игру, не смотря на удивительную экономію и простоту матеріала, составляетъ большую заслугу Линде.

Заканчиваю свой обзоръ взглядовъ шахматныхъ писателей на происхожденіе игры слѣдующимъ резюме всего сказаннаго.

Шахматы изобрѣтены въ Индіи. За это говоритъ изображеніе индійскаго войска и названія фигуръ, не взятыхъ, какъ доказано, ни съ какого языка. Извѣстный знатокъ Востока Веберъ приписываетъ изобрѣтеніе ея буддистамъ, склоннымъ къ созерцанію, къ отвлеченному мышленію.

Эта догадка подтверждается особеннымъ распространеніемъ шахматъ среди народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ: въ Бирмѣ, Сіамѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи, Явѣ и Цейлонѣ, а также у нашихъ калмыковъ. Отсюда повятно молчаніе санскритской литературы (браминовъ) объ игрѣ изобрѣтеной и распространенной въ ненавистной для нихъ сектѣ. Время изобрѣтенія шахматъ Веберъ полагаетъ между II и X в. нашей эры, когда буддизмъ былъ окончательно истребленъ въ Индіи. Въ VI столѣтіи во вре-

мя сильныхъ гоненій буддисты въ большомъ числѣ бѣжали изъ Индіи въ Персію, и, вѣроятно, занесли сюда любимую игру. Отъ персовъ, какъ я сказалъ раньше, игра перешла къ арабамъ; эти же послѣдніе занесли ее въ Европу.

Современное названіе игры также персидскаго происхожденія. Именно слова „шахъ-матъ“ значать: „король умеръ.“

III.

Трудно опредѣлить вполнѣ точно появленіе шахматной игры въ Европѣ. Что событіе это ничуть не связано съ крестовыми походами, на это есть одно вполнѣ достовѣрное указаніе. Существуетъ письмо св. Петра Даміенскаго къ папѣ Александру, относящееся къ 1061 году (т. е. за 35 лѣтъ до першаго похода), гдѣ въ числѣ пороковъ духовенства описывается страсть къ соколиной охотѣ, къ играмъ въ кости и шахматы. Наиболѣе вѣроятнымъ признается знакомство европейцевъ съ шахматами отъ сарацинъ, завоевавшихъ въ VIII вѣкѣ не только всю Испанію, но и часть Галліи до Аквитаніи.

Къ XI столѣтію шахматы распространились по всей Европѣ, сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ общества. И дѣйствительно въ тѣ варварскія

времена, шахматная игра, съ такой живостью воспроизводившая военные событія, должна была сдѣлаться на ряду съ охотой любимѣйшимъ развлеченіемъ королей, герцоговъ и дворянства. Отъ нихъ не отставало духовенство. Въ 1125 году епископъ Гюн пригрозилъ отлученіемъ попомъ и монахамъ Манса, которые собирались на кладбища, клали шашечницы на могилы и проводили за игрою цѣлые дни. Лѣтопись передаетъ слѣдующій интересный эпизодъ изъ жизни царственныхъ игроковъ подъ 1087 годомъ.

Вильгельмъ-Завоеватель къ концу своего царствованія назначилъ двухъ сыновей Роберта и Генриха правителями Нормандіи. Во время посѣщенія ими французскаго короля Генрихъ часто игралъ со старшимъ сыномъ короля въослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ Людовика Толстаго. Пронравши однажды кряду двѣ партіи, Людовикъ пришелъ въ такую ярость, что назвалъ своего гостя незаконнорожденнымъ и бросилъ ему фигурами въ лицо. Генрихъ-же схватилъ доску, до крови разбилъ голову обидчика и убилъ-бы его, если-бы не подошелъ Робертъ.

Въ 1117 году этотъ-же Людовикъ былъ окруженъ въ битвѣ непріятелемъ. Одинъ

изъ англійскихъ рыцарей схватилъ за поводья его коня, вскричавъ: „Король взятъ!“ Но, Людовикъ, ниспровергая его ударомъ палаша на землю, возразилъ: „Развѣ ты не знаешь, что въ шахматахъ не берутъ короля?“

Мало по малу шахматы проникли во все общество. Въ 1212 году Парижскій соборъ счелъ нужнымъ запретить игру, что было подтверждено ордонасами Людовика Святого въ 1254 г. Англійскій король Эдуардъ IV запретилъ въ 1464 г. ввозъ въ Англiю бритвъ, картъ и шахматъ. Но, уже ничто не могло помѣшать распространенiю игры. Въ 1495 г. появляется первая книга, специально посвященная шахматной игрѣ. Она вышла въ Валенсiи на испанскомъ языкѣ подъ заглавiемъ: „Libre del jorns partitis del schachs nombre del 100, per Francesch Uicent.“ Черезъ два года въ Испанiи-же, въ Саломанкѣ, выходитъ: „Repeticion des Amores, y arte de axedres con C. Z juegos de Partido.“ Небольшой томикъ, принадлежавшiй перу Люцены, заключалъ, кромѣ концовъ партiй, правила игры и начало теоретическаго анализа. Это сочиненiе имѣетъ для насъ большую важность; оно стоитъ какъ разъ на

границы того поворота в истории шахматъ, который отдѣляетъ древнеазиатскій шатренджъ отъ шахматъ въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Мы коснемся его немного подробнѣе.

Какъ я сказалъ, до конца XV столѣтія въ Европѣ играли въ шатренджъ; фигуры въ этой игрѣ имѣли, за исключеніемъ ладьи, ограниченный ходъ не далѣе какъ на третье поле. Такъ ферзь могъ идти лишь на ближайшее одноцвѣтное поле, слонъ — только на третье діагональное поле, хотя-бы въ промежуткѣ находилась своя или непріятельская фигура; и вѣлика (впрочемъ лишь до XIII в.) даже съ мѣста шла на одинъ ходъ; рокировки не было; ее замѣнялъ т. н. „прыжокъ короля“. Такая ограниченность исключала возможность теоретической разработки дебютовъ, которыхъ и замѣняли т. н. „таблаты“. Каждый игрокъ могъ расположить въ определенное число ходовъ свои шашки на доскѣ какимъ угодно способомъ, не выходя изъ своей половины. Затѣмъ начиналась партія. Отсюда шатренджъ былъ скучной и медленной игрой. Такое положеніе дѣлъ требовало реформы, — и вотъ въ XV и XVI вѣкѣ идетъ медленная переработка игры. У Люцены встрѣчаются задачи, имѣющія мѣсто *alla antiqua*, т. е. игра по

старымъ правиламъ, есть и такія, гдѣ дѣйствуетъ *alla rabiosa*—стремительное нападеніе, новая игра. Въ XVI вѣкѣ у слона отняли возможность перескакивать фигуру, но позволили двигаться на всемъ протяженіи свободной діагонали. Ферзь постепенно завоевалъ роль нынѣшней могущественной королевы. Это нововведеніе произвело настоящую революцію въ области игры, перевернуло все приемы атаки и обороны.

Слѣдующимъ за Люценой выдающимся шахматнымъ писателемъ былъ португалець Даміано, по профессіи аптекарь. Онъ издалъ въ 1512 году на итальянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Libro da imparare giocare a scacchi etc*“ сочиненіе, содержащее, кромѣ дебютовъ и концовъ еще краткое разсужденіе объ игрѣ на память.

IV.

Въ концѣ XVI вѣка жили три замѣчательныхъ шахматныхъ маэстро: Рюи-Допецъ, священникъ изъ Сафры, сиракузлянинъ Пало Бонни и калабриецъ Леонардо да Кутри. Мы имѣемъ обстоятельное описаніе ихъ жизни и подвиговъ изъ сочиненія доктора правъ, извѣстнаго шахматнаго теоретика Александро Сальвіо, напечатаннаго въ Неаполѣ въ 1604

году: „Trattato dell' inventione et arte liberale del gioco schacchi“ и присоединившаго ко второму изданію: „Il Puttino, altramente detto, il cavaliero errante“ — жизнеописаніе страствующаго шахматнаго рыцаря. Соотечественникъ Паоло Бои, священникъ Каррера изъ Митилень въ сочиненіи: „Il gioco degli scacchi“ (1617) дополнилъ свѣдѣнія о его жизни.

Въ 1572 году Рюи-Лонецъ, прославленный испанскій шахматистъ, любящій Филиппа II, пріѣхалъ въ Римъ съ какимъ-то порученіемъ къ папѣ Григорію XIII. Въ Римѣ пожиналъ въ это время лавры молодой и честолюбивый Джіонани Леонардо да Кутри, неудавшійся правовѣдъ, забросившій пандекты и глоссы для шахматъ. Онъ только что сразился съ прибывшимъ изъ Неаполя Паоло Бои, славнымъ опытнымъ маэстро, умѣвшимъ играть до трехъ партій не смотря на доску. Выдержка и знаніе теоріи помогли Бои свести состязаніе съ Леонардо въ ничью, но талантъ, честолюбіе и молодость обѣщали послѣднему вѣроятную побѣду при новой встрѣчѣ. Вышло, однако, иначе. Леонардо пришлось встрѣтиться съ пріѣхавшимъ Лонецомъ и потерѣть отъ него рѣшительное пораженіе. Глубоко огорченный

Леонардо отпавился въ Неаполь и провелъ здѣсь два года въ строгомъ уединеніи, предаваясь изученію теоріи. Въ 1575 году, считая себя достаточно сильнымъ, онъ отправляется въ сопровожденіи своего пріятеля Чезаре Полеріо въ Мадридъ для встрѣчи съ Лопецомъ. Здѣсь въ присутствіи Филиппа II, пожертвовавшаго 1000 скуди побѣдителю, Леонардо обыгралъ Лопеца, имѣя три партіи изъ пяти. Побѣдивъ затѣмъ прибывшаго сюда своего соотечественника Паоло Бон и всѣхъ сильнѣйшихъ игроковъ Испаніи и Португаліи, Леонардо отправился на родину и здѣсь, какъ говоритъ преданіе, былъ отравленъ завистливымъ соперникомъ. Кромѣ этихъ трехъ, выдающихся по таланту, игроковъ среди современниковъ ихъ была цѣлая плеяда прекрасныхъ шахматистовъ. Таковы Джуліо Чезаре Полеріо, предложившій (нынѣшнюю) ограниченную рокировку, вмѣсто существовавшей тогда свободной, *) Джіауиціо, Хероне, Доменико, Скваро, Авалось и многіе другіе.

*) Свободная рокировка (т. е. право короля и ладьи занимать въ извѣстные моменты любыя поля крайней линіи) сохранилась въ настоящее время только въ Италіи. Тамъ не приняты до сихъ поръ также ходъ пѣшки, берущей на проходѣ. На международныхъ турнирахъ итальянскіе игроки подчиняются, конечно, общимъ правиламъ.

Величайшимъ представителемъ шахматнаго искусства въ XVII вѣкѣ былъ Джіокино Грекко. Онъ былъ родомъ изъ Калабріи, жилъ одно время при французскомъ дворѣ, во Франціи же издалъ свое прекрасное руководство. Говорять, что онъ нажилъ игроку не менѣе 5000 скуди и затѣмъ отправился пытать счастья въ Англію, но въ дорогѣ былъ ограбленъ и едва не лишился жизни. Умеръ въ Вестъ-Индіи въ 1634 году 34 лѣтъ отъ роду. Оставшіяся партіи Грекко заставляютъ признать въ немъ геніальное дарованіе, но, не имѣють особенно важнаго теоретическаго значенія, вслѣдствіе слабой игры его противниковъ. Сильнѣйшими современниками Грекко были упомянутые Сальвіо и Каррера; также Доменико д' Арминіо, Алонзо Ортега, Сальваторе Альбино, Томазо Капуто, прозванный Росцесъ и другіе. Къ началу XVII же вѣка относится изданіе въ Лейпцигѣ извѣстнаго сочиненія Густава Силеуса: „Шахматная или королевская игра,“ авторомъ котораго былъ герцогъ Августъ Брауншвейгъ—Люнебургскій, страстный покровитель шахматнаго искусства.

Какъ вы замѣтили, сильнѣйшіе игроки XV, XVI и XVII вѣковъ были испанскаго и итальянскаго происхожденія. Пальма пер-

венства въ XVIII и первой половинѣ XIX принадлежить французамъ.

Андре Допиканъ Филидоръ, оперный композиторъ и первый шахматный игрокъ въ своемъ вѣкѣ, родился въ 1726 году. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ побѣждаетъ сильнѣйшихъ шахматистовъ того времени Янсева и Стамму, родомъ араба, извѣстнаго своими изслѣдованіями концовъ партій. Въ 1749 году онъ издастъ замѣчательное руководство: „Analyse du jeu des échecs.“ Онъ охотно принимаетъ приглашенія иностранныхъ государей, желавшихъ видѣть его удивительную игру. Съ наступленіемъ революціи Филидоръ, роаялистъ по убѣжденіямъ, былъ приговоренъ къ казни, бѣжалъ въ Англію и остатокъ дней провелъ въ Лондонѣ, пользуясь субсидіями Свѣтъ-Джемскаго клуба. Въ 1782 онъ далъ сеансъ игры на память на двухъ, а въ 1783 на трехъ доскахъ противъ очень сильныхъ противниковъ. Сеансы эти возбудили чрезвычайный энтузіазмъ въ современникахъ. Игра Филидора съ красотою соединяла правильность и глубину расчета. Особенно славится его игра пѣшками. Онъ умеръ въ самомъ концѣ вѣка. Наиболѣе выдающимися противниками Филидора были Логаль, Борнаръ и Карлье—

во Франціи; графъ Брюль, Вердонъ, Будлеръ и знаменитый физикъ Агнудъ — въ Англии. Къ числу большихъ поклонниковъ шахматъ принадлежалъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Вы, вѣроятно, помните то желчное описаніе занятій шахматной игрою въ „Confessions“, которымъ философъ навсегда простился съ однимъ изъ своихъ увлеченій. Тамъ не менѣе сохранилось до нашего времени нѣсколько блестящихъ партій Руссо, игранныхъ имъ съ сильнѣйшими шахматистами того времени. Мрачный апостоль революціи Робеспьеръ также любилъ игру. Однажды, когда онъ въ глубокой задумчивости сидѣлъ въ Café de la Régence, къ нему подошелъ совсѣмъ молодой человѣкъ и началъ просить о помилованіи одного осужденнаго на смерть роялиста. Робеспьера такъ поразила смѣлость юноши, что онъ не могъ ничего отвѣтить. „Если Вы по рѣшаетесь помиловать его такъ, съ живостью воскликнулъ молодой человѣкъ, давайте играть въ шахматы: я поставлю свою голову, а Вы — его“. Робеспьеръ согласился и... проигралъ партію. Диктаторъ былъ удивленъ, потому что считался очень сильнымъ противникомъ. Онъ предложилъ сыграть еще двѣ партіи, съ большимъ трудомъ выигралъ вто-

рую партію, но снова проигралъ третью. Каково-же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что онъ игралъ съ переодѣтой дѣвушкой, отважно просившей за своего жениха вліятельнаго роялиста. Робеспьеръ великодушно помиловалъ осужденнаго.

Сильнѣйшими теоретиками, если не считать Филидора, и въ XVIII вѣкѣ оставались итальянцы: Долли, Коціо и Понціани, а также чехъ Альгайеръ.

V.

Очень любопытный вопросъ о томъ, откуда заимствовали шахматную игру русскіе. Большинство авторовъ разрѣшается въ пользу непосредственнаго перенесенія съ Востока. *) Восточныя названія двухъ фигуръ: ферзя и слона только въ Россіи остались неизмѣнными. Есть и нисъменныя свидѣтельства въ эту пользу. Такъ одинъ проповѣдникъ XIII вѣка, возставая противъ игры, говоритъ: „Понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей: жрецы бо идольстїи тою игрою пророчествовавшеть о побѣдѣ ко царю отъ идоль.“ Извѣстно, что греки восточной имперіи, начиная съ VI вѣка, поддер-

*) См. интересныя статьи Сорокина въ „Шахматномъ Обзорѣнїи“ за 1893 и 94 г.г.

живали частыя сношенія съ персами и, слѣдовательно, могли заимствовать отъ нихъ игры. Объ этомъ находится даже указанію въ одномъ письмѣ дочери Алексѣя Комнина, жившаго въ IX вѣкѣ. Русскіе, стоявшіе очень близко къ единовѣрческой Византіи, могли въ свою очередь узнать игру отъ грековъ. Есть также нѣкоторыя вѣроятія, что мы могли познакомиться съ шахматной игрой отъ татаръ во время монгольскаго ига. Лѣтописецъ XIII вѣка говоритъ, что, при посѣщеніи однимъ изъ великихъ князей Золотой Орды, послѣдній видѣлъ, игравшихъ въ шахматы, придворныхъ хана: „людей, сидѣвшихъ передъ доской, гдѣ были также люди, цѣлою войскою, нѣкоторыхъ людей они держали въ рукахъ“. Соображенія нравственнаго характера говорятъ, однако, противъ этого; да и въ рукахъ упомянутаго мною проповѣдника былъ-бы тогда еще одинъ вѣскій аргументъ противъ игры.

Но, съ другой стороны нѣтъ никакихъ основаній думать, что игра занесена съ Запада.

Мы только что видѣли, что шахматы не пользовались расположеніемъ духовенства. Даже въ XVI вѣкѣ, когда они уже до-

стигли широкаго распространенія и сдѣлались любимой забавой русскихъ царей и бояръ, Домострой мона Сильверста рѣшительно отвергаетъ игру наравнѣ съ костями и зернью. Свидѣтельства современниковъ единогласно утверждаютъ, что русскіе достигли высокаго искусства въ игрѣ. Въ 1685 году къ Людовику XIV прибыло посольство изъ 50 человекъ свиты при двухъ знатныхъ боярахъ. „Эти русскіе, говоритъ хроника, превосходно играютъ въ шахматы: наши лучшіе игроки передъ ними не болѣе, какъ школьники.“ Иванъ Грозный умеръ за шахматной доской. Интересныя указанія о распространенности шахматъ въ высшихъ кругахъ русскаго общества тѣхъ временъ находятся въ обстоятельномъ изслѣдованіи Забѣлина „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Петръ Великій былъ большой охотникъ за кружкой пива и трубкой махорки посидѣть за шахматной партіей. См. дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.

Въ дневникѣ самого Петра есть такія указанія: „Цѣлый день игралъ въ шахматы съ помомъ Биткой.“ Императрица Екатерина II также любила играть въ шахматы. При ней пріѣзжалъ въ Россію и былъ

во дворцѣ первый извѣстный намъ шахматный автоматъ, приводившій всѣхъ въ изумленіе, какъ своей сильной игрой, такъ и крайне небольшими размѣрами, положительно не позволявшими помѣститься въ немъ взрослому человѣку.

VI.

Славу Филидора наслѣдовали Дешапель и де-Лабурдонне. Трудно судить о дѣйствительной силѣ Дешапеля, но, вѣроятно, она преувеличивается. Дешапель былъ генераломъ французской арміи. Онъ началъ службу во времена первой имперіи и сопровождалъ Наполеона I во многихъ его походахъ. Въ 1806 году онъ былъ со своимъ полкомъ въ Берлинѣ. Разсказываютъ, что, прибывши сюда, онъ отправился въ шахматный клубъ и разбилъ на голову сильнѣйшихъ нѣмецкихъ игроковъ, давая имъ ладью впередъ. Я нахожу это невѣроятнымъ. Допустимъ, что нѣмецкіе шахматисты и были расположены вступить въ дружеское состязаніе съ побѣдителями, но дать съ успѣхомъ въ нѣсколькихъ партіяхъ такую сильную фигуру, какъ ладью, возможно только очень слабому противнику. Немногія сохранившіяся партіи Дешапеля также не отличаются особенно выдающимися достоинствами.

Самъ Наполеонъ I любилъ игру и постоянно возилъ съ собою шахматную доску. Однако, онъ очень сердился при неудачѣ и ставилъ своими капризами въ неловкое положеніе своихъ партнеровъ, которые предпочитали проигрывать ему партію. При всемъ томъ записанныя партіи Наполеона обнаруживаютъ его блестящую фантазію. Въ мемуарахъ одного изъ постоянныхъ партнеровъ императора находится слѣдующая интересная характеристика. „Наполеонъ не зналъ правильныхъ дебютовъ. Въ началѣ онъ часто терялъ пѣшки и фигуры: преимущество, которымъ не осмѣливались пользоваться его противники. Но въ серединѣ партіи къ нему являлось на помощь вдохновеніе. Свалка шашекъ воспламеняла его умъ и фантазію; онъ рассчитывалъ впередъ на три, на четыре года и задумывалъ яркія и далекія комбинаціи“. Шарль Маго де-Лабурдонне родился въ 1797 году и еще въ юности своими способностями къ игрѣ обратилъ на себя вниманіе Дешанеля. Черезъ нѣсколько времени учитель проигралъ ученику, правда, давая ему пѣшку и два хода впередъ; но при тогдашнемъ состояніи теоріи это не было значительнымъ. Вскорѣ Дешанель, силь-

но увлекавшійся игрою въ вистъ, бросилъ шахматы. Лабурдонно же отправился въ Лондонъ, гдѣ съ давнихъ поръ процвѣтала шахматная игра. Сильнѣйшими игроками тамъ были въ это время Сарратъ и Левисъ, по профессіи счетоводы, Кохранъ, Эвансъ и Макдоннель. Лабурдонно одержалъ побѣду надъ англійскими маэстро.

Въ промежутокъ времени съ 1823 по 1828 годъ лондонскій клубъ велъ партіи по перепискѣ съ эдинбургскимъ, имѣвшимъ во главѣ игроковъ пастора Дональдсона. Побѣдителями въ состязаніи, первомъ въ этомъ родѣ, остались шотландцы. Въ 1834 году въ Вестминстерскомъ шахматномъ клубѣ произошло новое состязаніе Лабурдонно съ Макдоннелемъ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ игры. Оба противника соперничали другъ съ другомъ въ красотѣ и трудности комбинацій. Въ концѣ концовъ Лабурдонно остался побѣдителемъ при 44 выигранныхъ, 30 проигранныхъ партіяхъ и 14 ничьихъ. Вскорѣ послѣ состязанія Макдоннель умеръ, а Лабурдонно, возвратившись въ Парижъ, началъ издавать первый шахматный журналъ „Le Palamède“. Онъ умеръ въ 1840 году,

какъ говорятъ, отъ напряженіи при игрѣ на память съ двумя противниками. Объ этомъ упоминаетъ — Тэзъ въ своемъ „De l'intelligence“, Но, нѣтъ основаній вѣрить этому разсказу. Известно, что гораздо менѣе сильные игроки съ успѣхомъ играютъ на нѣсколькихъ доскахъ на память, а Цуккертортъ и Блекбернъ состязались съ 12 и болѣе противниками.

Приблизительно къ тому же времени именно къ концу тридцатыхъ годовъ относится возникновеніе шахматнаго общества въ Берлинѣ. Душою этого кружка замѣчательныхъ маэстро, известныхъ подъ именемъ „берлинскихъ плеядъ“, былъ Людвигъ Блодовъ, учитель гимназіи. Его стараніями былъ основанъ первый нѣмецкій „Schachzeitung“, старѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время шахматныхъ журналовъ. Остальными членами общества были Рудольфъ фонъ-Бильгеръ, офицеръ пѣхотнаго полка, уиершій, къ сожалѣнію въ молодыхъ годахъ. Ему и другу его Гейдебранду фонъ-дербъ-Лаза, прусскому посланнику въ Копенгагенѣ, шахматная игра обязана изданіемъ классическаго руководства: „Handbuch des Schachspiel“, выдержавшаго съ тѣхъ поръ семь изданій. Затѣмъ Вильгельмъ Ганстейцъ,

совѣтникъ магдебургскаго управленія, редакторъ „Schechzeitung“ а въ труднѣйшій періодъ его существованія. Далѣе кузенъ Ганстейна, Карль Майетъ, совѣтникъ юстиціи, президентъ общества, и наконецъ Берпгардъ Горвицъ, извѣстный художникъ-миниатюристъ, прославившійся, какъ составитель трудныхъ концовъ партій (этюдовъ)

Одновременно начала распространяться шахматная игра въ сосѣднемъ нѣмецкомъ государствѣ — Австріи Сильнѣйшими игроками здѣсь были Шёнъ и Левевталь, позднѣе Фалькебейръ и Гампе. Но они уступали силой берлинскимъ шахматистамъ.

VII.

Послѣ смерти Лабурдонне французскіе игроки потеряли свое первенство. Именно, главный представитель французскаго шахматнаго искусства Сентъ д'Аманъ, виноторговецъ въ Парижѣ, потерпѣлъ въ 1843 г. поражение въ матчѣ съ англійскимъ игрокомъ Стаунтономъ, выигравшимъ 11 партій при 6 проигранныхъ и 4 ничьихъ. Говардъ Стаунтонъ (родился въ 1810 г.), кромѣ шахматной извѣстности, считается однимъ изъ выдающихся изслѣдователей Шекспира. Онъ сдѣлалъ многое для распространенія шахматной игры въ Англіи и на-

чалъ издавать первый англійскій журналъ „The Chess Chronicle“. Практическая игра его отличалась энергіей и солидностью. Одновременно съ нимъ подвизался на шахматной аренѣ Томасъ Бокль, авторъ „Исторіи цивилизаціи въ Англии“, извѣстный своею остроумной игрой. Однако, онъ рано отказался отъ шахматъ. Они поглощали слишкомъ много времени и отвлекали отъ главнаго труда.

Въ Россіи возрожденію шахматной жизни началось около половины нынѣшняго столѣтія, хотя еще въ 1824 году Петровъ напечаталъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Шахматная игра, приведенная въ систематическій порядокъ, съ присовокупленіемъ игръ Филидора и примѣчаній на оныя“. Александръ Дмитріевичъ Петровъ родился въ концѣ прошлаго вѣка. Онъ служилъ при Намѣстникѣ Царства польскаго, послѣдовательно занималъ разныя высшія должности, и умеръ въ 1867 году. Еще въ двадцатыхъ годахъ онъ сгруппировалъ около себя любителей благородной игры. Въ сороковыхъ годахъ въ рядахъ русскихъ шахматистовъ выдвинулись такіе замѣчательные игроки, какъ Янишъ, Шумовъ, кн. С. Урусовъ и другіе. Но всѣ они были значительно сла-

бѣе Петрова. Его партіи обнаруживаютъ-
геніальную фантазію и дальновидность раз-
счета. Къ сожалѣнію, онъ ни разу не всту-
пилъ въ состязанія съ иностранными игро-
ками. Младшій сверстникъ Петрова Карлъ
Андреевичъ Лниншъ, математикъ, профессоръ
механики, знаменитъ главнымъ образомъ, какъ
теоретикъ. Онъ издалъ въ 1842 году на
франц. языкѣ: „Analyse nouvelle des
ouvertures du jeu des échecs“. Глав-
ный трудъ его: „Traite des applications
au jeu des échecs“. 1863 г. имѣеть
чисто научно-математическое значеніе.

Здѣсь были названы въ краткомъ очеркѣ
самые выдающіеся игроки первой половины
нашего вѣка. Большинство изъ нихъ скоро
прекратило свою дѣятельность и отказалось
отъ практической игры, хотя нѣкоторые
дожили до глубокой старости. Тѣмъ не ме-
нѣе значенію этихъ знаменитыхъ маэстро
громодно. Въ области теоріи они закончили
въ общихъ чертахъ выработку дебютовъ.
Они проложили пути для будущаго анализа,
вѣрно понявъ индивидуальныя особенности
каждаго начала и намѣтивъ въ своихъ
практическихъ партіяхъ важнѣйшія атаки
и защиты. Еще важнѣе дѣятельность ихъ,
какъ ревностныхъ двигателей шахматной жиз-

ни. Имъ принадлежала инициатива и организація шахматныхъ обществъ, объединявшихъ покровниковъ благородной игры. Они основывали первые шахматные журналы, удобнѣйшіе проводники шахматнаго знанія. Они устраивали съѣзды и публичныя состязанія сильнѣйшихъ игроковъ, сдѣлавъ все это—въ то время, когда игра еще не носила характера спорта или наживы,—при весьма ограниченныхъ средствахъ, одной энергіей и горячей преданностью любимому искусству. Шахматы медленно, но прочно завоевывали симпатіи общества и расширяли кругъ своихъ адептовъ.

VIII.

Въ 1851 году, благодаря настойчивости Стаунтона, удалось устроить въ Лондонѣ первый международный шахматный турниръ съ призами для побѣдителей. Турниръ этотъ, несмотря на многіе недостатки его организаціи, имѣлъ громадное значеніе для развитія игры, положивъ начало многочисленнымъ шахматнымъ съѣздамъ нашихъ дней, на которыхъ по крайней мѣрѣ ежегодно встрѣчаются сильнѣйшіе игроки всего свѣта. Такія состязанія представляютъ въ извѣстномъ смыслѣ маленькое общественное со-

бытію, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ шахматная жизнь развита чрезвычайно, какъ въ Англіи и Германіи, и гдѣ побѣда на турнирѣ является предметомъ національнаго самолюбія. Для Лондонскаго турнира были выработаны Стаунтономъ обстоятельныя правила. Съ небольшими измѣненіями ими руководствуются до настоящаго времени.

Главными кандидатами на первый призъ (3000 марокъ) считались, кромѣ Стаунтона. Кіезерицкій и Левенталь. Лионель Кіезерицкій, полякъ, родился въ Доритѣ въ 1806 году, большую часть жизни провелъ въ Парижѣ, гдѣ редактировалъ шахматный журналъ „La Régence“, умеръ въ 1853 году; блестящій игрокъ, особенно извѣстенъ, какъ тонкій знатокъ королевскихъ гамбитовъ. Одинъ изъ нихъ носитъ его имя. Іоаннъ Левенталь изъ Бундешта (род. въ 1810 г.) незадолго до турнира эмигрировалъ въ Англію. Долгое время онъ былъ секретаремъ британской ассоціаціи и умеръ въ 1876 г., завѣщавъ все свое имущество обратить на расиространенію шахматъ. Игра Левентали, носившая въ черты его мягкаго и осторожнаго характера, была особенно искусна въ концахъ партій. Червенство на турнирѣ досталось,

однако, п'ємецкому маэстро Андерсену. Адольфъ Андерсенъ родился нъ 1818 г. въ Бреславлѣ и нъ юности посвятилъ себя изученію философіи и математики въ университетѣ роднаго города. Тамъ-же въ гимназіи Фридриха онъ состоялъ по окончаніи курса преподавателемъ физики. Впоследствии онъ занялъ болѣе выгодную должность въ Штольцѣ. Незадолго до турнира онъ имѣлъ случай основательно изучить игру въ состязаніяхъ съ сильнѣйшими берлинскими шахматистами. Передъ отъездомъ изъ Лондона Андерсену былъ данъ банкетъ, на которомъ онъ былъ провозглашенъ „шахматнымъ королемъ.“ Маэстро были сдѣланы горячія оваціи. Особенное восхищеніе вызвала его партія съ Кіезерицкимъ, считающаяся до сихъ поръ непревзойденнымъ шедевромъ шахматнаго искусства. За нею справедливо удержалось навсегда, предложенное Гиршфельдомъ названіе „безсмертной“.

Слѣдующимъ замѣчательнымъ событіемъ было появленіе на шахматной аренѣ Морфи.

IX.

Поль Морфи родился въ 1837 году въ Нью-Орленѣ въ семьѣ богатаго негоціанта торговца хлопкомъ. Еще ребенкомъ онъ на-

учился шахматной игрѣ отъ отца и скоро выказалъ свои необыкновенныя способности. Тринадцати лѣтъ отъ роду ему удалось выиграть одну партію изъ нѣсколькихъ у игрока такой силы, какъ Левенталь. Началомъ его постоянныхъ триумфовъ былъ первый американскій шахматный конгрессъ, происходившій въ Нью-Йоркѣ въ 1857 году. Къ этому времени, хотя Морфи не было еще и двадцати лѣтъ, игра его достигла высшей силы и блеска. Морфи взялъ первый призъ на турниръ, въ которомъ приняли участіе сильнѣйшіе американскіе шахматисты. Второй призъ достался Луи Паульсену, нѣмецкому маэстро, другу Андерсена, проживавшему по торговымъ дѣламъ нѣкоторое время въ Соединенныхъ Штатахъ. Поѣхавъ по окончаніи турнира въ Англію, Морфи вышелъ съ большимъ перевѣсомъ изъ состязанія съ наиболѣе выдающимися англійскими игроками и въ 1858 году выигралъ матчъ у Левенталя, который незадолго до того взялъ первый призъ на турниръ въ Манчестерѣ. Затѣмъ Морфи отправился во Францію. Здѣсь, въ Парижѣ онъ одержалъ побѣду надъ Гаррвицомъ, купцомъ изъ Бреслава, однимъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ того времени и на-

копецъ встрѣтился съ самимъ Андерсеномъ. Юный маэстро побѣдоносно провелъ матчъ, выигравъ 7 партій, проигравъ 2 при 2 ничьихъ, но, утомленный, отказался отъ новаго состязанія. Поклонники Андерсена приводили впоследствии оправдывающую его проигрышъ обстоятельство. Справедливо, однако, замѣтить. не говоря уже о разницѣ въ лѣтахъ, что игра Андерсена при всей своей красотѣ и тонкости вообще никогда не была свободна отъ неожиданныхъ промаховъ. Напротивъ, во всѣхъ партіяхъ Морфи, даже въ самыхъ раннихъ, видна необыкновенная выдержка.

Вернувшись снова въ Англию, гениальный маэстро, теперь уже „Champion of the World,“ далъ нѣсколько сеансовъ игры à l'aveugle. Впрочемъ, онъ не игралъ, болѣе какъ съ восемью противниками сразу. Передъ отъѣздомъ на родину Морфи вышелъ побѣдителемъ изъ труднаго состязанія одновременно съ пятью такими противниками, какъ Левенталь, Арну де-Ривьеръ, Боденъ, Бердъ и Барнесъ. Онъ выигралъ двѣ партіи (у Берда и Арну-де-Ривьера), проигралъ одну (Барнесу) и двѣ свелъ въ ничью (съ Левенталемъ и Боденомъ.) Это былъ величайшій подвигъ Морфи.

„По прївздѣ въ Нью-Йоркъ побѣдителя ждалъ торжественный прїемъ. Больше 2000 человекъ, цвѣтъ Нью-Йоркскаго общества, собрались въ главной залѣ университета, украшенной щитами съ изображеніемъ именъ извѣстнѣйшихъ побѣжденныхъ имъ шахматистовъ и съ означеніемъ дней его побѣдъ. Нѣсколько оркестровъ привѣтствовали вступленію Морфи въ залъ гимномъ „See, the conquering hero comes.“ Потомъ послѣдовали нескончаемыя рѣчи. Въ продолженіе каждой изъ нихъ онъ могъ бы дать матъ любому изъ своихъ противниковъ. На длинныя привѣтствія онъ отвѣчалъ коротко и скромно, выражая глубокую признательность своимъ соотечественникамъ и уваженіе къ своимъ европейскимъ соперникамъ. Въ заключеніе торжества члены Нью-Йоркскаго шахматнаго клуба поднесли ему шахматный приборъ и столъ, превосходившіе великолѣпіемъ матеріала и изяществомъ отдѣлки все видѣнное доселѣ въ этомъ родѣ. Столъ розоваго дерева съ инкрустаціями изъ чернаго дерева и серебра былъ окаймленъ двойнымъ рядомъ жемчуга. Самыя шашки изъ чистаго золота и серебра, пѣшки трехъ, а офицеры шести дюймовъ въ вышину. Золотые (черныя) изоб-

ражали дворъ вестготскаго короля, а серебряные (бѣлые) станъ сѣверныхъ варваровъ, принимавшихъ участіе въ разрушеніи Римской имперіи. Историческая вѣрность строга соблюдена во всѣхъ подробностяхъ. Вся игра стоила 1600 долларовъ. Ящикъ для храненія шашекъ осыпанъ алмазами. Описанное торжество происходило 25 іюня 1859 года. На слѣдующій день жители Бостона поднесли Морфи золотой вѣнокъ. *) Вскорѣ по возвращеніи Морфи въ Америку внезапное умопомѣшательство лишило шахматный міръ этого замѣчательнаго маэстро. Онъ вналь затѣялъ въ состояніе тихой меланхоліи, прерываемое кратковременными свѣтлыми промежутками. Трудно догадываться о причинахъ этого событія. Возможно, что на хрупкую и первую натуру Морфи оказало губельное вліяніе неожиданное раззореніе и смерть любимаго отца. Морфи имѣлъ несчастіе прожить большую часть своей жизни въ домѣ умалишенныхъ. Онъ умеръ въ 1884 году, завѣщавъ шахматному міру свои партіи, полныя художественныхъ красотъ, какъ вѣчные памятники безвременно погибшаго дарованія.

*) Это описаніе, появившееся первоначально въ американскихъ газетахъ, было перенечтано Михайловымъ въ его „Шахматномъ Листкѣ.“ СПб. 1860 г.

Х.

Въ 1862 году Андерсенъ снова вышелъ побѣдителемъ на второмъ международномъ турнирѣ въ Лондонѣ. Последній — шестой призъ на этомъ турнирѣ достался молодому Вильгельму Стейницу, котораго Андерсенъ, восхищенный его прекрасной партіей съ Монгредиеномъ, привѣтствовалъ какъ восходящее шахматное свѣтило. Вліяніе нѣмецкаго маэстро на развитіе игры было громадно и, какъ справедливо говоритъ Дюфрени, заключалось не въ сочиненіяхъ, весьма немногочисленныхъ и при томъ разбросанныхъ по разнымъ журналамъ, но въ живомъ ученіи. Онъ всегда былъ подобно древнимъ греческимъ философамъ окруженъ любознательными учениками, которыхъ, кромѣ его громадной оытности и блестящаго шахматнаго таланта, привязывали къ нему его отзывчивый и общительный характеръ, прямота сужденія и широкій универсальный умъ. Изъ друзей и учениковъ его старѣйшимъ былъ Жанъ Дюфрени (1829—1893), сильный практическій игрокъ и теоретикъ. Онъ побѣдилъ берлинскихъ шахматистовъ на турнирѣ 1853 года и затѣмъ въ отдѣльномъ состязаніи Майста. Далѣе слѣдуетъ назвать

доктора философіи Макса Ланге, превосходнаго теоретика; Густава Неймана, редактора „Neue Berliner Schachzeitung“ а, взявшаго первый призъ на турниръ въ Дунди (1867 г.) и побѣдившаго въ матчахъ извѣстныхъ впоследствии Винавера и Розенталя; Вертольда Зуле, Гиршфельда, Шаллона и Минквица. Даровитѣйшимъ изъ учениковъ Андерсона былъ Цуккертортъ, который прославился впрочемъ нѣсколько позднее. Ближайшимъ другомъ и постояннымъ партнеромъ знаменитаго маэстро былъ Луи Паульсенъ. Онъ родился въ 1833 г., занимался бухгалтеріей и сельскимъ хозяйствомъ, прожилъ по торговымъ дѣламъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ; умеръ въ 1892 году. Онъ изылъ первые призы на турнирахъ въ Бристолѣ (1861 г.), Крэфельдѣ (1871 г.), Лейпцигѣ (1877 г.), Франкфуртѣ на Майнѣ (1878 г.) и Брауншвейгѣ (1880 г.) Последние годы игралъ менѣе удачно. Паульсенъ знаменитъ также своей *à l'aveugle*. Однажды въ 1858 году онъ велъ заразъ 15 партій; изъ нихъ выигралъ 13 и 1 сдѣлалъ ничьей. Оба друга сыграли между собою нѣсколько сотъ партій, изслѣдуя различные способы атаки и защиты, при чемъ Андерсенъ отличался смѣлостью и искус-

ствомъ въ нападѣніи, а Паульсенъ умѣнѣемъ вести защиту.

На ряду съ ними надо поставить еще одного современнаго имъ игрока самаго перваго ранга. Игнатій Колинъ происхожденіемъ изъ евреевъ, род. въ 1837 году. Онъ обладалъ выдающимися коммерческими способностями, счастливо игралъ на биржѣ и умеръ въ 1889 году австрійскимъ барономъ, щедро покровительствуя послѣдніе годы своей жизни шахматному клубу въ Вѣнѣ. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда онъ выступалъ въ публичныхъ состязаніяхъ онъ одержалъ много побѣдъ. Въ 1867 году онъ взялъ первый призъ на международномъ турнирѣ въ Парижѣ. Кроме того онъ выигралъ матчи у Барнеса, Горвица, Розенталя и нашего Шумова, сыгралъ въ ничью съ Паульсеномъ и проигралъ маленькій матчъ Андерсену (+3, —4=2), незадолго до того разигравъ серію партій съ нимъ-же поровну. Въ области теоріи, подобно Морфи, Колинъ внесъ очень мало новаго, но практическая игра его была чрезвычайно блестяща.

XI.

Въ Россіи возбужденіе шахматной жизни относится къ концу сороковыхъ и началу пятидесятихъ годовъ.

Въ 1853 году кн. С. Урусовъ выигралъ матчъ у Шумова, взявъ 7 партій и проигравъ 4, а этотъ послѣдній въ свою очередь одержалъ верхъ надъ Янишемъ при $+5, -3, =4$. Если приять во вниманіе, что побѣжденные безусловно сражались съ такими противниками, какъ Стауптонъ, Колингъ и Винаверъ, то можно увѣренно сказать, что русскіе игроки при всей ихъ замкнутости мало уступали силой европейскимъ знаменитостямъ. Въ 1859 году началъ издаваться первый русскій „Шахматный Листокъ.“ Онъ выходилъ подъ редакціей Михайлова сначала въ видѣ приложения къ „Русскому Слову“, а послѣ прекращенія этого журнала отдѣльными ежемѣсячными выпусками. Нельзя сказать, чтобы первый дебютъ на поприщѣ шахматной журналистики былъ вполне удаченъ. Самъ Михайловъ не отличался первоклассной игрой. Поэтому анализъ партій былъ поставленъ крайне слабо. Взгляды редактора на многія вещи странны. Такъ высоко интересный способъ игры не смотря на доску, которымъ въ настоящее время заинтересовалась даже сама наука, *) считался имъ,

*) См. Психологія великихъ математиковъ и знаменитыхъ шахматныхъ игроковъ. Соч. Альфреда Биссе. Парижъ. 1893 г.

кажется, со словъ Петрова, „пустымъ и вреднымъ фанфаронствомъ.“ Дорожа сотруди-
чествомъ лучшихъ игроковъ, Михайловъ на-
ходилъ возможнымъ отводить много мѣста
письмамъ кн. Урусова, въ которыхъ тотъ
похвалялся своей силой самымъ наивнымъ
образомъ. Еще болѣе непріятное впечат-
лѣніе производитъ теперь безплодная поле-
мика съ „Искрой“, полная довольно без-
вкусныхъ и заносчивыхъ выходокъ. Огонь
открыла „Искра.“ „Вы возбуждаете изда-
ніемъ Вашего журнала искусственный инте-
ресъ,“ писали тамъ. „Благодари Вамъ най-
дутся люди, которые подумаютъ, что шах-
маты достойны того, чтобы посвятить всю
жизнь ихъ изученію. Впрочемъ какихъ не
бываетъ убѣжденій! Мы допускаемъ даже,
что могутъ существовать журналы для игры
въ бабки и кости; и, очевидно, найдется
не мало людей, для которыхъ интересны эти
ап-†-b1, дебюты, гамбиты отказанные и не-
отказанные и вообще вся шахматная словес-
ность. Одного мы не можемъ понять: как-
кимъ образомъ передовой журналъ, поста-
вившій своей цѣлью служить интересамъ род-
наго народа, дѣлитъ его радости и горе,
находить возможнымъ помѣщать на своихъ
страницахъ подобную позорную галиматью.“

Дѣйствительно нужно вспомнить боевое время, которое переживало тогда молодое русское общество, когда за поэзіей Пушкина самые умные и серьезные люди не признавали никакой другой заслуги, кромѣ выработки литературнаго языка, чтобы понять Почему шахматы, не ирелъдовавшіе никакой утилитарной цѣли, не могли пользоваться симпатіями.

XII.

Вильгельмъ Стейницъ родился въ Прагѣ въ 1836 году. Онъ происходилъ изъ бѣднаго еврейскаго семейства и съ раннихъ лѣтъ, не смотря на слабое здоровье, былъ вынужденъ самостоятельно бороться за свое существованіе. Попавши въ Вѣну, онъ занимался одно время журналистикой. Здѣсь онъ познакомился съ шахматной игрой и сильно увлекся ею. Незадолго до лондонскаго турнира 1862 года онъ уже опередилъ въ состязаніяхъ сильнѣйшихъ вѣнскихъ игроковъ и былъ посланъ въ Лондонъ делегатомъ отъ мѣстнаго клуба. Взявши здѣсь шестой призъ и обративъ на себя вниманіе Андерсена, Стейницъ не поѣхалъ домой, но остался жить въ Англіи и неустанно совершенствовался въ игрѣ,

вызывая лучшихъ шахматистовъ того времени. Онъ взялъ нѣсколько разъ первые призы и наконецъ чувствуя себя достаточно сильнымъ, послалъ вызовъ на матчъ Андерсену. Борьба была упорная и дала оченъ интересныя партіи. Стейницъ побѣдилъ своего славнаго противника съ небольшимъ поровѣсомъ (+8, — 6). Съ этого времени (1866 г.) онъ съ честью сохранялъ званіе „Champion of the World“ болѣе четверти вѣка. Правда на турнирахъ онъ уступалъ иногда первое мѣсто другимъ выдающимся игрокамъ, но, какъ справедливо было замѣчено, матчевыя состязанія являются единственнымъ виолнѣмъ раціональнымъ мѣриломъ силы сторонъ, тогда какъ игра на турнирахъ подвержена многимъ непредвиденнымъ случайностямъ.

На парижемскомъ турнирѣ 1867 года взяли призы: первый Колинъ, второй Винаворъ и третій Стейницъ; на турнирѣ того же года въ Дунди первый—Пейманъ, второй Стейницъ.

Около этого времени выдвигается изъ состязаній Цуккертортъ, самый замѣчательный изъ всѣхъ соперниковъ Стейница. Онъ родился въ Ригѣ въ 1842 году. Ближайшіе предки его были евреи, достоверно из-

вѣстно однако, что по крайней мѣрѣ родители его перешли въ протестанство. Въ юности онъ пробовалъ серьезно отдаться изученію медицины, но вскорѣ занялся шахматами и бросилъ науку. Перебравшись въ Германію, Цуккертортъ сошелся съ Андерсеномъ и обстоятельно подъ его руководствомъ изучилъ игру. Въ 1868 году онъ уже пробовалъ состязаться съ учителемъ, но былъ побѣжденъ. Цуккертортъ выигралъ 3 партіи, Андерсенъ 8 и 1 была ничья. Въ сотрудничествѣ съ Дюфреномъ онъ выпустилъ свое извѣстное руководство **) и вообще много работалъ, изслѣдуя теорію игры.

Лѣтомъ 1870 года въ Баденъ-Баденѣ съѣхались почти все извѣстнѣйшіе шахматисты. Вице-президентомъ бывшаго здѣсь конгресса единогласно избрали И. С. Тургенева. Авторъ „Дворянскаго гнѣзда“ охотно отдавалъ свои досуги шахматной игрѣ, въ которой достигъ большого искусства. Первый призъ на баденъ-баденскомъ турнирѣ взялъ неутомимый Андерсенъ, второй достался Стейницу, третій и четвертый раздѣлили Нейманъ и Блекбернъ.

**) Сокращенное изданіе этого руководства, переполненное грубыми опечатками, за неизмѣнимъ другихъ сочиненій, выдержало у насъ цѣлыхъ три изданія; послѣднее 1891 г.

Въ эту пору, кажется, начали входить въ употребленіе „шахматные часы,“ точно регулирующіе время, которое потратитъ каждый изъ играющихъ на обдумываніе своихъ ходовъ. Насколько это изобрѣтеніе, — въ сущности весьма простое, — было важно, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота.

Раздосадованный своей неудачей на первомъ лондонскомъ турнирѣ Стаунтонъ вызвалъ на матчъ Уилльямса, который имѣлъ несчастіе, получивъ третій призъ, опередить самолюбиваго маэстро. Вызовъ былъ принятъ, Стаунтонъ уже взялъ нѣсколько партій и, вѣроятно, выигралъ бы матчъ, какъ вдругъ произошелъ слѣдующій казусъ. Въ послѣдней партіи Уилльямсъ, думавшій надъ своими ходами всегда очень долго, превзошелъ самого себя. Углубившись въ комбинаціи, онъ сидѣлъ неподвижно передъ доской, не обращая вниманія на видимое нетерпѣніе противника. Стаунтонъ всталъ, взялъ шляпу и палку, и отправился въ ближайшій ресторанъ пить кофе. Возвратившись къ доскѣ, онъ засталъ партію въ томъ же положеніи. Уилльямсъ еще не сдѣлалъ выбора. Просидѣвъ доброе полъчаса, Стаунтонъ съ явными признаками неудовольствія отправился обѣ-

дать. Онъ пробыль довольно долго и начиналь раскаиваться въ своемъ нетерпѣнн, когда, придя въ клубъ, убѣдился, что Уильямсъ..... все еще думалъ. Тогда Стантонъ тутъ же сдалъ своему противнику партію и матчъ.

ХШ.

Въ шестидесятихъ годахъ замѣчается сильный подъемъ шахматной жизни въ Германіи. Основывается цѣлый рядъ союзовъ; особенно энергичной дѣятельностью отличаются изъ нихъ: рейнскій, сѣверо-германскій и западно-германскій. Наконецъ, въ концѣ сомидесятихъ годовъ возникаетъ обще-германскій шахматный союзъ. Въ Германіи выработалась однообразная организація конгрессовъ, которые состоятъ неизмѣнно изъ одного главнаго (meister) и одного побочнаго (haupt) турнировъ. На первомъ изъ нихъ могутъ участвовать только первоклассные игроки. Побѣдитель въ haupt-tournier'ѣ получаетъ званіе meister'a. Одновременно происходитъ конкурсъ задачъ (въ два и три хода). Затѣмъ послѣ сеансовъ игры à l'aveugle и одной или двухъ консультаціонныхъ партій гостямъ предлагается экскурсія въ живописныя окрестности

—и съездъ закрытъ. Всѣ эти конгрессы, особенно до образованія общо-германскаго союза, отличались замкнутымъ семейнымъ характеромъ. Здѣсь не было помину о блестящихъ и шумныхъ банкетахъ нашихъ дней. Добродушные нѣмцы пріѣзжали повидать старыхъ пріятелей, послушать рассказовъ Grossfater'а Андерсена о Морфи и бывшихъ сраженіяхъ, побесѣдовать за чашкой кофе о нѣмецкихъ дѣлахъ, о величіи Мольтко и новыхъ выходкахъ Бебеля въ парламентѣ, и терпѣливо сыграть нѣсколько основательныхъ партій.

На союзныхъ турнирахъ побѣдителями оставались преимущественно Андерсенъ и Паульсенъ, затѣмъ Герингъ (проф. въ Эйзенпахѣ), Минквицъ, Э. Шаллонъ, искусный въ игрѣ на память и въ веденіи одновременныхъ партій, позднѣе Метгеръ и Флехсигъ.

Въ началѣ 1871 года Цуккертортъ побѣдилъ Андерсена; выигравъ 5 партій изъ 7, но въ слѣдующемъ году самъ потерѣлъ поражение отъ Стейница. Ему удалось выиграть всего 1 партію, при 7 проигранныхъ и 4 ничьихъ. Стейницъ же съ превосходнымъ результатомъ сыгралъ на международныхъ турнирахъ въ Лондонѣ (1872)

и въ Вѣнѣ (1873), взявъ въ обоихъ случаяхъ первые призы. Джомсъ Гарри Блекбернъ, одно время купецъ въ Манчестерѣ, (род. въ 1842 г.), очень рано выступилъ въ публичныхъ состязаніяхъ. Девятнадцати лѣтъ онъ принималъ участіе на лондонскомъ турнирѣ 1862 года и отличался въ сеансахъ игры à l'aveugle. Блекбернъ считается величайшимъ представителемъ шахматнаго искусства въ этомъ родѣ. Онъ сыгралъ нѣсколько сотъ партій, не смотря на доску, выступая иногда противъ 12 противниковъ. При этомъ игра его оставалась такой-же оригинальной и элегантной, какъ и обыкновенно. Послѣ первыхъ не вполне удачныхъ дебютовъ Блекбернъ игралъ счастливѣе. Онъ раздѣлилъ ex aequo съ Нейманомъ третій и четвертый призы на турнирѣ въ Ваденъ-Баденъ (1870). Взявъ второй призъ на лондонскомъ турнирѣ (1872); третій достался Цуккерторту; второй же на вѣнскомъ (1873); здѣсь третій призъ получилъ Андерсенъ и четвертый Розенталь. Наконецъ въ 1876 году послѣ крайне неудачнаго матча со Стейница, который выигралъ у него всѣ семь партій кряду, Блекбернъ взялъ первый призъ на турнирѣ въ лондонскомъ Сигарь-Диванѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ шахматная жизнь также шла впередъ. Сильнѣйшію американскіе игроки въ семидесятыхъ годахъ Мекеизи и Мезенъ отличились вънослѣдствіе въ состязаніяхъ съ передовыми европейскими маэстро. На второмъ (Клевландъ) и третьемъ (Чикаго) конгрессахъ первый призъ достался Мекеизи, капитану флота (род. въ 1837 г.), который въ изяществѣ стила своей игры не уступаетъ величайшимъ маэстро. Четвертый конгрессъ въ Филadelphіи (1876) кончился побѣдой Джемса Мезена.

XIV.

Въ іюль 1877 года въ Лейпцигѣ происходило торжественное чествованіе Андерсена по случаю пятидесятилѣтняго шахматнаго юбилеія знаменитаго маэстро. На происходившій здѣсь конгрессъ кромѣ нѣмецкихъ поклонниковъ Андерсена съѣхались шахматисты со всѣхъ концовъ Европы. На празднествѣ, длившемся болѣе недѣли, маститый юбиларъ былъ предметомъ горячихъ и шумныхъ овацій. Ему было поднесено нѣсколько цѣнныхъ подарковъ. Главный изъ нихъ представлялъ колонну чернаго мрамора, обвитую гирляндами изъ дубовыхъ листь-

евъ, золотыхъ и серебрянныхъ и стоящую на террасоподобномъ пьедесталѣ. Большая серебрянная фигура, изображающая Каиссу-богиню шахматной игры—, подаетъ правой рукой золотой вѣнокъ. На пьедесталѣ съ передней стороны надпись: „Dem Deutschen Schachmeister Anderssen zum fünfzigjährigen Schachjubiläum— seine Freunde und Verehrer;“ на задней сторонѣ выгравировано положеніе изъ партіи Андерсена со Стаунтономъ Турниръ, организованный юбилейнымъ комитетомъ, окончился побѣдой Л. Паульсена. Второй призъ взялъ Андерсенъ, третій Цуккертортъ. Послѣ турнира Андерсенъ и Паульсенъ сыграли между собою небольшой матчъ. Первые три партіи кряду были выиграны Андерсономъ, но затѣмъ старикъ ослабѣлъ и долженъ былъ уступить побѣду своему другу (+3—5=1) Андерсенъ участвовалъ още на парижскомъ турнирѣ 1878 года (6 призъ) и умеръ 13 марта 1879 года. На могильномъ памятникѣ въ Бреславлѣ вырѣзаны сажы геніальныя партіи почившаго—съ Кіезерицкимъ, извѣстная подъ именемъ „безсмертной“ и съ Дюфреномъ, которую Стейницъ называлъ „вѣчно-зеленой“ партіей.

0-13